

В. М. Романець

**ПОВІСТЬ В. ГЮГО
„ОСТАННІЙ ДЕНЬ ЗАСУДЖЕНОГО ДО СМЕРТІ”
В ОЦІНЦІ О. С. ПУШКІНА**

Пропонована стаття присвячена дослідженню оцінок О. С. Пушкіним повісті В.Гюго „Останній день засудженого до смерті” та впливу цього твору на повість „Пікова дама” видатного російського митця. Автор статті доводить, що серед творів „несамовитої літератури”, що вплинули на „Пікову даму”, була, безумовно, повість „Останній день засудженого до смерті”. Відзначено розбіжності художніх принципів двох авторів, що свідчить про суто протилежні шляхи вирішення письменниками проблеми злочину та покарання.

Ключові слова: жанр, гротескний колорит, мотив, духовна криза, трагізм, внутрішній світ, іронія, контраст.

V. M. Romanetz,

Candidate of Pedagogics,

Senior Lecturer of Foreign Literature Department

Odesa I. I. Mechnikov National University,

24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,

mr.nobel@yandex.ru

**V. HUGO’S STORY
„LAST DAYS OF A CONDEMNED MAN”
IN A. S. PUSHKIN’S VIEW**

Summary

This scientific research is aimed at defining genre peculiarities and problematics of one of the most widely discussed by the literary critics and philologists stories by Victor Hugo – „Last Days of a Condemned Man”. We also tried to show the influence of the ideas expressed in the story on the literary work of A. S. Pushkin.

The topicality of our investigation is explained by the existence of numerous and controversial opinions on this story. The author’s ideas of tolerance and humanism towards „the crime and punishment” raised a lot of arguments among socially active philosophers, critics and literary men. The story under analysis had a great influence upon A. S. Pushkin. V. Hugo’s view of the „crime and punishment” problem affected A. Pushkin very much. But the solution to this problem was cardinally reconsidered by him. At the same time the peculiarity of V. Hugo’s story can be understood as the extreme expression of the „furious genre”.

Key words: genre peculiarities, problematics, „the crime and punishment,” „furious genre”.

УДК 821.161.1.09(Цветаева)

С. А. Фокина,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры мировой литературы

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,

Французский бульвар, 24 / 26, г. Одесса, 65058, Украина,

тел.: (048)746-56-97,

svetlana_fokina@ukr.net

ЛЕГЕНДА О РЫЦАРЕ БРУНСВИКЕ В ТВОРЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ А. ИРАСЕКА И М. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье представлено осмысление рецепций легенды о рыцаре Брунsvике в авторском мировосприятии А. Ирасека и М. Цветаевой. Внимание также сосредоточено на анализе влияния чешской культуры на самобытность легенды о рыцаре Брунsvике, апокрифическом покровителе Праги, памятник которому стоит на берегу Влтавы у Карлового моста. Проанализировано функционирование в ментальном универсуме М. Цветаевой мифологемы ангела-хранителя в соотношении с образом рыцаря Брунsvика в стихотворении „Пражский рыцарь”.

Ключевые слова: легенда, Брунsvик, рыцарство, ангел-хранитель, Прага, Карлов мост.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена пристальным интересом сегодняшней литературоведческой мысли к феномену диалога культур и литератур, в частности, в рамках взаимодействия различных славянских этносов.

В современном цветаеведении и критике современников, обращенных к произведениям М. Цветаевой, стихотворение „Пражский рыцарь” осталось либо не замеченным, либо его художественный потенциал был оценен слишком поверхностно. Так, ведущие цветаеведы И. Шевеленко, А. Саакянц, М. Мейкен, Л. Зубова, В. Войтехович не включили в поле своего исследования „Пражского рыцаря”. В лучшем случае это стихотворение упоминалось среди иных цветаевских текстов. Между тем, „Пражский рыцарь” весьма интересен и как репрезентация авторского мифа поэтессы, и в качестве признания любви к Чехии и к чешской культуре. Несмотря на проведенную в 2000 году в Чехии конференцию „Дни Марины Цветаевой – Vшеноры 2000” [3], посвященную рецепции чешского периода в жизни и творчестве

поэтессы, в программу не было включено ни одного доклада, который бы полноценно представлял научное прочтение „Пражского рыцаря”. Надо отметить, что данное лирическое произведение М. Цветаевой открывает значительные перспективы анализа и истолкования.

Цель данной статьи – осмысление своеобразия рецепций легенды о рыцаре Брунсвике в контексте особенностей авторского мировосприятия в творчестве А. Ирасека и М. Цветаевой. В соответствии с целью определены следующие **задачи**: 1) изучить семиотический потенциал знаков державной и духовной власти князя Брунсвика как покровителя и заступника Чехии в версии легенды, изложенной А. Ирасеком; 2) проанализировать влияние контекста чешской культуры на художественную специфику стихотворения М. Цветаевой „Пражский рыцарь”; 3) выявить цветаевские коды в интерпретации темы рыцарства.

На гербе Чехии в качестве эмблемы „власти над подданными” [10, с. 94] двуххвостый лев в короне, изображенный попарно с орлом. Появление льва на чешском гербе обусловлено как его аллегорией доблести и величия, так и сказаниями о князе Брунсвике. Согласно изысканиям историков, прототипом мифического рыцаря Брунсвика, появившегося в чешских средневековых преданиях, стал реально существовавший король Пржемысл II. „Самое раннее изображение двуххвостого льва относится к 1247 году. Оно появилось на печати наследника чешского престола, молодого маркграфа Моравии Пржемысла Отакара II и печати города Брно” [2]. Позже герб со львом выступает как символ королевской власти занявшего престол Пржемысла Отакара II. Касательно объяснения двуххвостости льва у исследователей нет единого мнения. Одна из наиболее убедительных версий, что Пржемысл II, наделив льва на своем гербе двумя хвостами, „<...> хотел подчеркнуть единство Чехии и Моравии под рукой чешского короля. Возможно, он считал необходимым найти символ своего единения с отцом, который, будучи чешским королём, передал сыну руководство Моравией” [2].

Алоис Ирасек – чешский писатель конца XIX века – включает историю о Брунсвике в „Старинные Чешские Сказания”. История князя Брунсвика то напоминает странствия Одиссея, то сближается с проблематикой и символикой сказаний и романов о рыцарях круглого стола, входящих в так называемый артуровский цикл. Мотивная организация и фантастика, отличающие историю о мифическом покровителе Чехии, заставляют вспомнить сказки о Синдбаде-мореходе.

В книге Алоиса Ирасека о Брунсвеке сказано: „был молодой князь благороден и справедлив. <...> на третьем году своего правления решил он постранствовать по белу свету, чтобы возвеличить язык своей родины” [4, с. 88]. Приключения Брунсвика оказываются испытаниями его доблести и верности долгу стать опорой для Чехии. Поиски князя направляла его убежденность: „Мой отец добыл знак орла, а я хочу добыть знак льва” [4, с. 89]. Характерны обретенные в странствиях Брунсвиком друг лев и волшебный меч. Лев как символ „мужества, храбрости, верховной власти, благородства, гордости” [11] и „воплощение героического начала” [11] олицетворяет царственность и отвагу. Меч наделяет рыцаря силой, призванной соответствовать его духовному предназначению. Лев, будучи верным другом и спутником Брунсвика, выступает не только в качестве волшебного помощника, но и своего рода альтер эго князя – покровителя Чехии и Праги. В соответствии с символической традицией лев – „<...> одна из ипостасей сфинкса и херувима” [10, с. 94], что расширяет смысл дружбы льва и князя Брунсвика, которую с учетом такого семиотического потенциала можно расценивать как знак Божьего благословения данного рыцарю за чистоту его помыслов и отвагу. Согласно чешской легенде, лев не покидает князя даже после его смерти: „не захотел лев жить на белом свете без своего господина. Тосковал он и чах. И, печально зарывчав в последний раз, умер на могиле Брунсвика” [4, с. 104].

Стихотворение М. Цветаевой „Пражский рыцарь” написано в период ее проживания в Чехии и посвящено рыцарю Брунсвику, апокрифическому покровителю Праги. В письме Б. Пастернаку поэтесса писала: „Есть у меня в Праге друг, каменный рыцарь. Он стоит на берегу Влтавы и охраняет мост. И если есть у меня ангел-хранитель, то это именно он, с его львом, с его мечем и с его лицом” [9; 6/2, с. 263]. В своих письмах поэтесса не раз признается в любви к Чехии, Праге и рыцарю Брунсвику, предание о котором было ей не известно. В одном из писем к А. Тесковой М. Цветаева высказывает просьбу: „Жду истории своего Рыцаря. Все что знаю – что это он добыл Праге двухвостого льва. Напишите мне, <...> с кем дрался, где блуждал, откуда привел льва” [9; 6/2, с. 145]. М. Цветаевой, изначально не знающей истории Брунсвика, импонирует обретение символического ангела-хранителя, что согласуется с ее представлениями о братстве и становится знаком преемственности Чехии.

В приводимом выше письме А. Тесковой М. Цветаева упоминает двухвостость брунsvикова льва, считая этот признак важным для легенды о Пражском рыцаре. В сказаниях о Брунsvике, приводимых Алоисом Ирасеком, о двухвостости льва и какой-либо его магической функции, кроме как быть верным другом, помощником и защитником рыцаря, ничего не говорится. В аспекте геральдического потенциала символика двухвостости льва, напоминающая переплетающиеся языки факела, видимо, знак связи с огненной стихией. Ипостась льва как „святоносного символа огня и солнца” [1, с. 273] отображает способность быть светочем для Чехии, оберегая ее величие. Волшебной функцией наделяется меч, обретенный Брунsvиком в странствиях, о котором сказано: „Прочно и глубоко замурован он (*меч* – С. Ф.) в одном из устоев Карлова моста – в том месте, где стоит статуя Брунsvика с каменным львом у его ног. Перед своей смертью повелел Брунsvик тайно замуровать туда меч, и там покоится уже много веков это чудодейственное оружие. Объявится он только тогда, когда будет чешскому королевству всего горше” [4, с. 105]. Историю рыцаря Брунsvика М. Цветаевой было суждено узнать значительно позже. В письме А. Тесковой 1939 года поэтесса заметила: „<...> меня поразил (в жизнеописании Брунsvика – С. Ф.) <...> страх Рыцаря перед ласковостью льва. Не боявшийся чудовищ – кротости убоился” [9; 6/2, с. 147].

В 1923 году, не зная предания о Пражском рыцаре, М. Цветаева создает свою легенду о нем, отразившуюся в подтексте стихотворения. Обретение каменного ангела-хранителя, обыгрываемое в тексте, – знаковая в цветаевском поэтическом мире ситуация. Образ рыцаря, возвышающегося над Влтавой, включается в функционирующий в ментальном универсуме М. Цветаевой смысловой ряд: бледнолицый рыцарь – каменный ангел – собрат – „одноколыбельник”. Эта парадигма значений соотносится с цветаевской рецепцией рыцарского кодекса в контексте осмысления доблести и братства. Интерпретируя феномен рыцарства, М. Цветаева трансформирует культурную модель, созданную Средневековьем и предписывающую определенный тип куртуазного поведения: *рыцарь, воспевающий Прекрасную Даму и поклоняющийся ей*.

Основой средневековой культурной модели является принцип, утверждающий „благородное и непорочное служение даме” [8, с. 125]. Более того, доминантой рыцарского кодекса выступает „в соответствии с метафорической схемой, заимствованной из феодальных

структур” [3, с. 485], идея: „женщина – это сюзерен, мужчина – ее вассал” [3, с. 485].

В цветаевском варианте женщина-поэт, наделенная андрогинными чертами, воспеваает героя, обретающего в ее лирике ипостась рыцаря. Обыгрывание рыцарской доблести наиболее частотно соотносится с темой Сергея Эфрона. Такой союз в осмыслении поэтессы оказывается, прежде всего, братством – общей сопричастностью рыцарству („*В его лице я рыцарству верна*”). Модель, созданная М. Цветаевой, фиксирует ряд аспектов отношений женщины-поэта и рыцаря. Если идеалом средневековой рыцарской культуры были моральная безупречность, отвага и преданность Прекрасной Даме, то в поэтическом мире М. Цветаевой верность женщины-поэта рыцарю выражается в воспевании его, в стремлении служения ему и зачастую покаянии перед ним. Подобная поведенческая стратегия в контексте цветаевского мифа оказывается проявлением высшей преданности. Рыцарь предстает в ипостасях юноши, воина, ангела-хранителя. Смысловым ядром отношений женщины-поэта и рыцаря в цветаевской модели, в отличие от типа поведения, предписанного законами куртуазности, становится именно братство.

На ипостаси ангела-хранителя, приписываемой рыцарю у Карлова моста, М. Цветаева настаивала в своих письмах, обращенных к различным адресатам: Б. Пастернаку, А. Бахраху, А. Тесковой. В ряде писем разных лет возникают упоминания Пражского рыцаря. М. Цветаева утверждает: „<...> Пражский рыцарь – навеки *мой*” [10; 6/2, с. 100]. Брунsvик воплощает с точки зрения поэтессы высшую доблесть и „символ верности (себе! не другим)” [9; 6/2, с. 13].

ПРАЖСКИЙ РЫЦАРЬ

Бледно – лицый
Страж над плеском века –
Рыцарь, рыцарь,
Стерегущий реку.

(О найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка – ра – ульный
На посту разлук.

Не устанем
Мы – доколе страсть есть!
Мстить мостами.
Широко расправьтесь,

Крылья! В тину,
В пену – как в парчу!
Мосто – вины
Нынче не плачу!

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку
Нас-то – сколько
За четыре века!

– „С рокового мосту
Вниз – отважься!”
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.

В воду пропуск
Вольный. Розам – цвесь!
Бросил – брошусь!
Вот тебе и месь!

Сласть ли, грусть ли
В ней – тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку – дней.

27 сентября 1923 [9; 2, с. 128]

Не менее примечателен факт, что М. Цветаева считает Брунсвика схожим с нею лицом, о чем сообщает в письме А. Бахраху: „У меня есть друг в Праге, каменный рыцарь, очень похожий на меня лицом. Он стоит на мосту и стережет реку: клятвы, кольца, волны, тела. Ему около пятисот лет и он очень молод: каменный мальчик. Когда Вы будете думать обо мне, видьте меня с ним” [9; 6/2, с. 286]. Но существует и другая версия оценки облика рыцаря М. Цветаевой. И. Кудрова повествует о том, что поэтессе было дорого сходство рыцаря с ее супругом Сергеем Эфроном, которому в юности она посвятила стихотворение „Я с вызовом ношу его кольцо”. И. Кудрова, обращаясь к чешскому периоду жизни М. Цветаевой, замечает: „Марина подолгу вглядывается в рыцаря: он кажется ей похожим на Сергея, мужа, – жертвенностью и чистотой облика<...>” [5, с. 47]. А. Труайя в своей книге о М. Цветаевой выдвигает альтернативное предположение: „Ей показалось, будто Родзевич – ну, точь-в-точь статуя рыцаря Брунсвика на Карловом мосту<...>” [7, с. 232]. По утверждению М. Слонима, именно он привел М. Цветаеву к Карлову мосту, где находится изваяние рыцаря. В книге В. Лосской приводятся следующее воспоминание М. Слонима: „Во время одной из наших прогулок я ей показал рыцаря, это было в старинных кварталах, по ту сторону реки, в Праге, которую она очень любила. Через день после этой прогулки я получил от нее стихотворение „Пражский рыцарь” [6, с. 93].

Но более важно, чем выяснение скрытого адресата стихотворения, то, что цветаевский „Пражский рыцарь” становится признанием духовной близости Чехии, а „Бледно – лицый страж” – храни-

тель Праги – центр цветаевского мифа о Чехии как новой духовной родине. В письмах к А. Тесковой в течение многих лет М. Цветаева неизменно признается в любви к Чехии и ее центру – Праге. 1926 г. – „Прагу я люблю самым нежным образом<...>” [9; 6/2, с. 20]; „Прага – <...> мой любимый город” [9; 6/2, с. 23]; 1927 г. – „Как я хочу в Прагу! <...> В жизни не хотела назад ни в один город, совсем не хочу в Москву <...>, а в Прагу хочу, очевидно пронзенная и замороженная” [9; 6/2, с. 34]; 1938 г. – „О, как я скучаю по Праге и зачем я оттуда уехала?” [10; 6/2, с. 137]; „<...> лучшее в Праге было – Рыцарь, а в Карловом Тыну – не мой юный спутник (к<оторо>го давно забыла), а сам старый Тын” [9; 6/2, с. 143].

Образ рыцаря над Влтавой, „стерегущего реку”, становится модификацией двух мифологем, различных по своей семантике и культурной составляющей. Рыцарь Брунsvик в подтексте цветаевского стихотворения соотносится с трансформированной функцией Харона и в тоже время выступает в роли своего рода ангела-хранителя лирической героини. Воображаемый прыжок с Карлова моста в воды Влтавы „В пену – как в парчу!” становится знаком не только гибели, но и обречения с Чехией и ее хранителем – Пражским рыцарем.

Список использованной литературы

1. Андреева В. Лев / В. Андреева, А. Ровнер // Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы. – М. : Астрель, АСТ, 2004. – С. 273–279.
2. Гарбицкий С. Чешские государственные символы : Герб Чехии [Электронный ресурс] / С. Гарбицкий. – Режим доступа: <http://www.czechtoday.eu/istoriya/cheshskie-gosudarstvennie-simvoli-gerb-chechii.html>
3. Зюмтор П. „Куртуазия” / П. Зюмтор; [пер. с франц. И. К. Стаф] // Опыт построения средневековой поэтики. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 480–489.
4. Ирасек А. Старинные чешские сказания / А. Ирасек; [пер. с чешск. Ф. Боголюбовой]. – М. : Правда, 1987. – 368 с.
5. Кудрова И. Путь комет : в 3 т. / И. Кудрова. – Т. 2. : После России. – СПб. : Крига; Изд-во Сергея Ходова, 2007. – 560 с.
6. Лосская В. К. Марина Цветаева в жизни: Воспоминания современников / В. К. Лосская. – М. : ПРОЗАиК, 2011. – 384 с.
7. Труайя А. Марина Цветаева / А. Труайя. – М. : Эксмо, 2003. – 480 с.
8. Хейзинга Й. Гл. 4 : Рыцарская идея / Й. Хейзинга // Осень средневековья / [сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатели Д. Э. Харитоновича]. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 114–130.

9. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1998.
10. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – М. : АСТ; Харьков: Торсинг, 2001. – 591 с.
11. Энциклопедия символов и знаков : Лев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sigils.ru/symbols/lev.html>

С. О. Фокіна

ЛЕГЕНДА ПРО ЛИЦАРЯ БРУНСВІКА В ТВОРЧОМУ ОСМИСЛЕННІ А. ІРАСЕКА ТА М. ЦВЕСАЄВОЇ

У статті представлено осмислення своєрідності рецепцій легенди про лицаря Брунsvіка в авторському світосприйнятті А. Ірасека та М. Цветасвої. Увага також зосереджена на осмисленні впливу чеської культури на самотність легенди про лицаря Брунsvіка апокрифічного покровителя Праги, пам'ятник якому стоїть на березі Влтави біля Карлового мосту. Проаналізоване функціонування в ментальному універсумі М. Цветасвої міфологеми ангела-хранителя у співвідношенні з образом лицаря Брунsvіка у вірші „Празький лицар”.

Ключові слова: легенда, Брунsvік, лицарство, ангел-хранитель, Прага, Карлов міст.

S. A. Fokina,

Candidate of Philology,

Associate Professor of World Literature Department

Odesa I. I. Mechnikov National University,

24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,

tel.: (048)746-56-97

svetlana_fokina@ukr.net

LEGEND ABOUT KNIGHT BRUNSWICK IN CREATIVE COMPREHENSION BY A. JIRÁSEK AND OF M. TSVETAeva

Summary

The article deals with the polyvalent comprehension analysis of the legend about Knight Brunswick in the context of the authorial perception by A. Jirásek and by M. Tsvetaeva. The tasks are: 1) to study semiotic potential of signs of sovereign and spiritual power of Prince Brunswick as patron and defender of the Czech

lands in Jirásek's version of the legend; 2) to analyse the context of the Czech culture in Tsvetaeva's poem „Prague knight” ; 3) to analyse the authorial codes of M. Tsvetaeva in the interpretation themes of knighthood.

The methodology is aimed by the analysis of transforms in the cultural model created by the Middle Ages and a certain type of courtly behavior: *knight glorifying Wonderful Lady and worshipping to her*. The finding: in Tsvetaeva's poem „Prague knight” (1923) the interpretation of the angel-keeper theme is given. The result of the scientific research is multidimensionless of Brunswick to the apocryphal patron of Prague in mental worlds of A. Jirásek and of M. Tsvetaeva.

Key words: legend, Brunswick, knighthood, angel-keeper, Prague, Charles bridge.